

ЯКОВ ГОРДИН
ПРОСТРАНСТВО





Советский писатель
Ленинградское отделение
1972



Стихи в книге Я. Гордина «Пространство» — не умозрительны. Они тесно связаны с биографией автора. Армейская служба на Дальнем Востоке и на монгольской границе, многолетняя экспедиционная работа на Крайнем Севере, занятия историей России и европейского средневековья, работа в Пушкинском заповеднике — все это нашло отражение в стихах сборника. «Пространство» — это пространство нашей страны, пространство истории и литературы.

Яков Гордин
ПРОСТРАНСТВО

КНИГА СТИХОВ



ДЕРЕВЬЯ И НЕБО

В МИХАЙЛОВСКОМ

Друзья! Так должно жить поэту
И наблюдать в душе своей
С природой слитые приметы
Минувших и грядущих дней.

И сердцем наблюдать всечасно
Движенье вечное реки,
И лес над озером бесстрастным,
И взмах далекий той руки,

Что жизнь дарит лугам и водам,
Сосне и небу над сосной.
Внимать душе своей свободной,
Как птице в тишине лесной.

И, принимая откровенность
Ветвей, и волн, и диких трав,
Хранить прекрасной жизни верность,
Любовью тление поправ.

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Светлым холодом сосны объаты,
И, морозной подковой звеня,
Стала легкой, безумной, крылатой
Ненадежная поступь коня.

Этот голос из ближнего леса,
Это птица кричит, или — нет,
Это ты, собутыльник-повеса?
Или смерть — мой бесстрастный поэт?

Этот голос с прибрежного луга,
То ли птица кричит, то ль судьба,
Это ты меня кличешь, подруга?
Или холод железа у лба?

Эти черные избы в сугробах,
Наметенных у тощих плетней,
Кто б ты ни был — мы оба, мы оба
Одиноки средь зимних полей.

Ледяное стекло над рекою,
Одиноки, но нет, не одни —
О, судьба моя, не такую
Ты мне виделась в прежние дни.

НА СОРОТИ

О, нашей жизни темная граница,
Короткое дыхание стиха, —
И если что навеки сохранится —
Простой рожок бедняги пастуха.

Моей земли любимые приметы,
Они живут всему наперекор —
И этот рог, и плоскодонка летом,
И в ней рыбак. И озеро. И бор.

И ты, пастух, бродяга и безумец,
Пасешь коров, жующих глубоко,
И ты, рыбак, сжимающий трезубец,
Плывешь с огнем над черною рекой.

Вы счастливы безмерною судьбою,
И сердцу внятн, хоть издалека,
Комок огня, ползущий над водою,
Скотоподобный хриплый звук рожка.

* * *

Я знаю — ждет меня хвоя
Деревьев, на сердце проросших.
О, юность краткая моя
В полуденной безмолвной роще.

Остановилось солнце днесь
Над проплывающей листвою.
Я навсегда останусь здесь,
Когда чего-нибудь да стою.

Здесь жив доселе юный страх
Взглянуть на травы зло и строго,
Здесь прячет воду в колеях
Лесная старая дорога.

Вот здесь отечество мое,
Где столько слез в душе просохло,
Где лес, где иволга поет,
Где дрозд стучится клювом в стекла.

РАННЕЕ УТРО НА МАЛЕНЦЕ

За круглым озером — холмы,
Пронзительно взмывает чибис.
Уж недалеко до зимы,
Туманом выбелило выпас.

Из чаши сосен молодых
Выходит на берег теленок.
Там волн блистанье голубых —
Их легкий бег, их голос тонок.

Такая легкая река.
Такая на сердце свобода.
Души крутые берега
Все зеленее год от года.

И плавно круглые отсель
Бегут сырой осоки волны,
За тридцать слышать земель
Сосновой рощи говор вольный.

* * *

И я поднялся на пригорок,
Который прежде обходил,
Мне показался сир и горек
Сосняк, прижавшийся к груди,

Торчали сломанные лыжи,
Недавним брошенные днем,
Был темнолиц и неподвижен
Из-за горы взошедший дом,

Взошедший молча, как планета
На небосклоне тишины,
И отливали чем-то медным
Две озаренные стены,

И это медное свечение —
Забава солнца в декабре —
Казалось гуще и добрей
Зари безвременной вечерней.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ В ТРИГОРСКОМ

Я по аллеям прохожу,
Песок светлеет светом звездным,
Я никого не разбужу,
Я здесь один. Октябрь. Поздно.

В холодной тишине аллея
Скамьи, как рыбы, проплывают,
И в жестком хаосе ветвей
Зубчаты звезды застревают.

Прудов поверхности чисты —
В глубины канули растенья,
И возле Сороти кусты
Покрыты собственной тенью,

Их поздней осени рука
В ночную воду погружает,
И черным зеркалом река
Звезду большую отражает.

Я выхожу на темный край
Над низкорослой чащей дикой.
О, сердце, сердце, замирай
У края осени великой.

В полях заречных тьма густа,
Деревня спит в сыром покое,
И абрис дальнего моста
Висит угрюмо над рекою.

И старый парк живет спеша,
Покуда ночь не изменилась, —
И в черном зеркале душа
Душою прежней отразилась.

* * *

Если усталую душу
Голос не веселит —
Слушай, о друг мой, слушай,
Как падает снег вдали.

Там, над любимым лесом,
Милых вблизи лугов,
Жалобно и чудесно
Падает снег кругом.

Вот оно, снисхожденье,
Этот земной поклон,
Жалобное движенье
Взгляда на небосклон.

Так опустилось небо
В этот холодный лес,
Зимнего ради хлеба
Молча стою я здесь.

Словно перед побегом —
Пусто в груди, легко,
Снегом вернулась, снегом
Душа моя с облаков.

ТРИГОРСКИЙ ДОМ

Е. ИВАНОВОЙ

Подводным холодом стекла
Покрыты рамы длинных окон,
И вот зима подстерегла
Сей деревянный долгий кокон.

Ты погибаешь, зимний дом!
Уже не вылупиться к лету
Той бабочке, что над прудом
Садилась в легкую карету,

Той барышне, что берегла
В своих альбомах почерк легкий, —
Подводным холодом стекла
Покрыт сей дом, такой далекий.

И только помнится едва
Ее поэт, гусар, любовник,
И только ласточки-слова
Еще летят в ее альбомах.

* * *

Какой-то сторож стережет
Господский дом и сон природы,
Он в тонком домике живет
И колет круглые колоды,

Оберегает пустоту
Вокруг чернеющих деревьев,
Вокруг него кусты растут
И снежных всплесков блещут гребни,

Он не обходит парк ночной,
Он не отходит от сторожки,
И только гул трубы печной
В кусты ложится крупной дрожью,

Оберегает темный парк
И пустоту аллей холодных,
Его дыханья нежный пар
Покрыл морозом наши окна.

О нем опасно говорить,
И вспоминать о нем опасно,
Пока в печи огонь горит
И брызжет в щели уголь красный.

РАЗЛИВ СОРОТИ

Вот так уплывают леса,
Холмы и луга за рекою,
Вот так уплывут небеса,
И станет окрестность другою.

Над черным разливом реки,
Смешавшей судьбу и погоду,
Горючих кустов поплавки
Безмолвно стремятся под воду.

И медленно, тяжело, с трудом,
Застрявший во времени где-то,
Плывет и качается дом
Далекого ныне поэта.

И плещется время у ног,
К деревьям нагим подступает.
И черный далекий челнок
По озеру вновь проплывает.

* * *

Бегут снеговые кораблики,
Бегут неподвижно вперед. . .
О, белое зимнее яблоко!
Морозом надкушенный плод.

Как свищут сосновые мачты
И блещут сугробы, когда
Твой сок, ледяной и прозрачный,
Бежит по застывшим губам.

И бег его весел и короток,
Всего лишь глоток до конца,
И мраморной нежностью холода
Покрыты земные сердца.

СТАРЫЙ ГАННИБАЛОВСКИЙ ПРУД

Горячие сосны стоят,
Сырые орешника тени,
И солнца обрывки горят
На листьях болотных растений,

И, вечная стража сих мест,
Как дыма огромные капли,
Сидят на вершинах окрест
Безмолвные серые цапли,

И вдоль побережий пруда,
Как будто посмертную маской,
Печально сокрыта вода
Зеленой чешуйчатой ряской,

Здесь трав водяных торжество,
И злые покрыли стрекозы
Корявый трагический ствол
Над прудом склоненной березы,

И лишь посредине пруда,
Где, как и прежде, глубоко,
Смотрится в небо вода
Круглым коричневым оком.

ВЕЧЕР НА МАЛЕНЦЕ

Дорога в лес, дорога в полумрак,
Уходит день, едва стволов касаясь,
Минует куст, спускается в овраг
И над прудом, как ветви, повисает.

И наконец скрывается из глаз.
И наступают сумерки живые,
И сосны те, что обогнали нас,
Над озером стоят, сторожевые.

В осоке теплой скрипнул коростель.
И в рельсу бьют протяжных звуков ради.
В озерную прохладную постель
Спустились травы, истомившись за день.

И вот оно — прохлады торжество,
Вечернего спокойствия и лени.
С летучим воздухом забытое родство
Мы ощущаем, видя в отдаленье

Большую тень, чье имя — козодой,
Скользнувшую бесшумно над поляной.
И оживает воздух над водой
С бледнеющей полоскою багряной.

И медленные слышу голоса
Людей, идущих над рекою темной,
Мы ближе к небесам на полчаса.
Как дышится торжественно и ровно.

* * *

А. КУШНЕРУ

Оттолкнем этот день,
И пускай он уйдет из-под рук,
На замерзшей воде
Человек появляется вдруг,

И вдали берегов
Он безмолвно чернеет один
Среди плоских снегов,
Среди мыслимых сушею льдин.

Ты мне можешь не верить,
А я в самом деле могу
Бесконечно стоять
На любимом зимой берегу,

Ты мне можешь не верить,
А я в самом деле готов
Одиноко стоять
Среди голых багровых кустов.

И пускай он проходит
По зимнему озеру вброд,
По любви, по охоте
К деревьям старинных пород,

До Петровского парка,
Где липы стоят и дубы.
Я готов. Мне не жалко
Минувшей судьбы.

* * *

Застряло дерево в кости,
Так дай листве его налиться.
Прости меня, прощай, прости,
Мы не вернемся к этим половицам,

Мы не вернемся к темному столу,
Но чем же, чем завесить на прощанье
Все эти окна, горькую золу
Февральских сумерек за нашими плечами?

Застряло дерево в сомкнувшейся кости,
И в листьях привкус горечи весенней.
Не возратить. И глаз не отвести
От черных окон на холме соседнем.

ОСЕНЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

Осенний лес нетороплив,
В нем нет весенней суматохи,
Какой-то медленный прилив,
Как медленного моря вздохи.

Так нарастает тишина,
И плеск ветвей, и говор леса,
Полузастывшая волна
Едва сочится сквозь завесу

Печальной памяти моей,
Над головой дрозды стрекохут,
И солнца луч среди ветвей
Бьет то длиннее, то короче.

Так нарастает тишина,
И близко, у ее порога,
Березы ветвь, обнажена,
Висит над желтою дорогой.

ОСИНОВАЯ РОЩА НАД ПЕТРОВСКИМ ОЗЕРОМ

Мое спасение — осина
Туманной ночью на холме,
Не отвергай меня, как сына,
Еще не твердого в уме.

Не по стопам Искарюта,
Твою листву не ввергну в дрожь —
Уйму вечернюю зевоту
И посмотрю, как ты живешь.

Осенних сумерек зиянье
Безмолвно тянет в глубину,
Висит над озером сиянье,
И белый луч идет ко дну.

А волны прядают и ропщут,
Как души слабые в беде,
Когда осиновая роща
С холма спускается к воде,

Чтоб, отраженьем серо-синим
Упав на ласковый песок,
Как дальний век, любимцу сыну
Шептать неясный свой урок.

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

П. КАРПУ

Чьи это головы белы
В зыбучем непогоды лоне?
Чьи это долгие стволы
В таком мучительном наклоне?

Дубов и лип высокий строй,
Высокий строй души минувшей,
Иль это только звук пустой,
Как крыльев стук, сведенных стужей?

О, эти души далеки,
Вдали, как плеск воды и лето,
Ветвей голодных костяки,
Как птичьи тощие скелеты,

И для чего смотреть на них,
На них, подвластных зимней смерти,
И бедный торопливый стих,
Как птичий пух, пускать на ветер?

Все для того, чтоб полюбить
Стальные зимние качели,
Мгновенье века озарить
Февральской вспышкой метели,

Чтоб, глядя времени вослед,
Понять, немея от догадки,

Что вот он, прошлого портрет,
В смертельном ледяном порядке,

Что птицы тощие дерев
Все так же машут костяками,
И только сгнив или сгорев,
Они соединятся с нами.

ЗА ДЕРЕВНЕЙ КОСОХНОВО

Ты мной любим, ольшаник горький,
Любовью, полной немоты.
Я поселюсь на том пригорке,
Где днем и ночью зреешь ты.

О, эти серые подобья
Ненастных и печальных дней.
Как зверь, я гляну исподлобья,
Любуясь мудростью твоей.

Так вырастай же на свободе,
Пускай по ветру семена,
Ты плодовит, но так бесплоден,
Что это не твоя вина.

Прости же мне мои увечья,
И слепоту, и глухоту,
Когда своей безмолвной речью
К твоей чащобе припаду.

И если вправду виноваты
Твои стволы и голос мой,
Пусть покарает нас крылатый,
Презрительный простор земной!

* * *

От смуглой рощи на холмах
До тростника в волнах озерных,
Где жабы нежатся впотьмах,
Где зреют рыбы в скользких зернах,

Где трав кустарник вековой,
Сырых стволов переплетенье,
Где юный лес над головой,
Где птицы жалобное пенье,

Где тело чистое змеи
Пронзает папоротник влажный,
Где годы прежние мои
Забыты временем протяжным, —

Здесь возвращение души
В свои края, к своим пенатам
В лесной свершается глуши,
В летучем воздухе пернатом.

* * *

Напротив — кладбище, на соснах — воронье,
На дальних сопках солнечные каски.
А край горы навек поворонен
Прошедшим сумраком декабрьским.

И тишина разбавлена на треть
Далеким радио, поющим на морозе,
И радостно и горестно смотреть,
Как день обозы санные увозят.

Они роняют сено на снегу,
И стебли тянутся и падают клоками,
Как будто бы стоишь на берегу
И ловишь воду медленно руками.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ У СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Мельканье вьюги, низкий вой,
И тьма на каменных ступенях,
И в темноте над головой
Ветвей безжизненных кипенье,

Их вьюга заставляет жить —
Свиваться, дергаться, качаться,
Неволит их в ночи кружить,
С другими кронами встречаться.

Пустынна ночь. Но не пуста.
И эти камни вековые,
И бег согбенного куста —
И впрямь как будто часовые.

Мне не уйти от них. Куда?
Зачем бежать от вьюги этой?
О, эта зимняя вода
Дороже мне, чем волны лета.

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

А ночь была такая бурная,
Когда в соломе, на санях,
Он выехал из Петербурга,
Терпенья у бессмертия заняв.

Часы ночные, будто хлопья сажки,
Легли на лица тех, кто вез.
До смерти было двадцать сажен,
А до могилы — сотни верст.

Его усталость, бред белесый,
Страны родной морозный прах,
Был каждый куст и перелесок
Пером отчеркнут на полях.

Над зимней родиной ледовой
Витали тучи, как стихи.
И ночи — словно коридоры
В огромном здании стихий.

Гремели снежные стропила
Над разворотами коней,
И все в природе торопилось —
Не удержать — так поскорей.

Плясали лунные сугробы
В подножьях каменных деревьев.

*

О ямщики! смотрите в оба.
На свете просто умереть.

Когда же в холм уперлись тройки
И в снег сложили тяжкий гроб,
То время прервалось. И только
Часы в округе бил озноб.



НЕ ИЗБЕГАТЬ ВОСПОМИНАНИЙ...

* * *

Не избегать воспоминаний —
Когда проходит эшелон
И от безжалостных мельканий
Глазам на шпалах тяжело,

И только там — за эшелоном,
В просветах видные едва,
Неясно, косо, неуклонно
Стоят деревья и дома.

И, наблюдая в напряженье
Куски ветвей и клочья крыш,
По эту сторону движенья
От них отрезанный стоишь.

ПОИСКОВЫЙ ОТРЯД

1

Нас не голод гнал, не нужда
И не рубрики процентовок.

Перед нами река Уджа,
И на отмелях — халцедоны.
Перед нами горячий лес,
Оплывающий жаром хвойным.
Мы идем по сырой земле,
Мы — не пахари и не воины.
Мы идем по сухой земле,
Над лесами, пожаром стертymi.
Мы идем, чтоб как зерна лечь
В эту землю, доселе мертвую.
Мы выходим к воде. Глядим —
Ходит рыба под берегами,
Извиваются, словно дым,
Вянут струи на перекате.
Мы выходим к реке. Туда,
Где в холодном и влажном гаме
Фиолетовая вода
Золотится над валунами.

2

Мы идем по большим болотам
К сопкам Богдо-Тааса.
Неизбежных закатов полотна
Докрасна утомляют глаза.

От привала и до привала
Столько хляби — тоска берет.
Слабым золотом заплывают
Плети карликовых берез.
Обнесенное тишиною,
Нам на месяц вперед дано
Это действие — затяжное,
Как замедленное кино.
А утиных выводков зерна
Скоро в серую воду лягут.
И запекшиеся озера
Окружает багровый ягель.
Света белого угасанье —
Словно бродим по дну реки.
Кличут длинными голосами
Неуклюжие кулики.
Солнце падает медным лóтом,
Глубина — четыре часа.
Мы идем по большим болотам
К сопкам Богдо-Тааса.

* * *

Отдачей относит назад плечо,
Тянет вверх ствол.
А после долго меж пальцев течет
Дымчатой кровью пороховой раствор.

И лапами цапая клочья ярости,
Клочья воздуха и надежды,
В мох втирается клетчатый ястреб,
Перья теряя — ненужные, нежные.

В хрусткую кожу ягеля
Рвется дырявым телом,
Коричневым клювом звякая
В недоумень смертельном.

Его напоследок гордыня корчит.
Он опрокидывается на спину.
И только предсмертно зевают когти.
Тусклые когти. Аспидные.

ВЕЧЕРНЯЯ СВОБОДА НА РЕКЕ

Как сладко в воздухе сыром
Забуть привычную невзгоду.
Но, господи, каким трудом
Сплотить разъятую свободу?

Свободу медленной руки,
Скользящей по веслу сырому,
Свободу дремлющей реки,
Плывущей неподвижно к дому,

Туда, за неподвижный лес,
За валуны в струях холодных,
За этот легкий край небес,
Таких далеких и свободных,

Туда, где наша жизнь живет
И нам, оставленным, не внемлет.
Но то, что память оттолкнет,
Душа испуганно приемлет.

ПАМЯТИ ПТИЦЫ

Сколько выдержать может
Птичий голос в кустах ледяных?
Вдоль пустынных дорожек
Словно тени летят верховых.

Сколько выдержать может
Птичий голос ночной?
Век беспмятный прожит
Тонкой песней одной.

Век беспмятный, горький,
Сердца легкий полет...
На пустынном пригорке
Горлом в землю вратет.

Среди мокрой крапивы
И у края реки
Сиротливо
Мертвым светом горят светляки.

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ

1

Речное небо пасмурного льда,
У прорубей — дневного света глыбы,
Плывет, не шевелясь, торжественная рыба,
И по ее глазам легко скользит вода.

И, преодолевая пережат,
Она плывет бездумно и бесцельно,
И медленно струятся берега
И водорослей скользкие сплетенья.

Под низким небом пасмурного льда
Вне суеты подвалы мира дремлют.
Плывет она? Иль движется вода? —
Как человека обтекает время.

И в этом мире, где живут ничком,
Земное время не измерить лагом,
И над ее блестящим плавником
Чуть пузырится ледяная влага.

2

Перед закатом пляшут мошки,
Вода в пруду как керосин.
К мосткам стиральным в час кормежки
Со дна всплывают караси.

40

Они плывут, блестят, не меркнут,
Водицу жирную жуя,
И, словно медные копейки,
Сияет крупно чешуя.

Они всплывают неподвижно,
Как бы неся худую весть,
В их появлении неслышном
Неотвратимость даже есть.

И пальцы медленные крошат
И сыпят в воду клейкий хлеб,
Как будто он не рыбам брошен,
А брошен времени вослед.

Как будто есть любовь под кровом
И больше не о чем просить,
Как будто в воздухе багровом
Висят на нитках караси.

ДЕРЕВНЯ УСОХИ

Вот телега по мосту стучит,
Среди сосен рождается отзвук.
И сгустился, и слабо горчит
Над рекой остывающий воздух.

Эта горечь коры и листа,
Этот вечер безмолвный и светлый,
И стеклянная пустота
По реке проскользнувшего ветра,

Эта горькой осины кора,
Эта горечь осевшего дыма, —
Это то, что осталось вчера
И навеки уже невредимо.

Это времени легкая сталь
Охраняет вчерашнее счастье,
И бесстрашная близкая даль
К нам теперь не питает участия.

И навечно, навек, навсегда
По реке, неподвижно лежащей,
Проплывает большая звезда
В эти дымные дальние чащи.

В ПУТИ

И этот выигрыш случайный,
И этот проигрыш лихой,
Как темной птицы крик печальный
Над спящей в сумерках рекой.

Друзья, приблизились потемки,
Пора кончать с дневным трудом,
Снимайте с плеч свои котомки,
Где глуше сад — там будет дом.

И что мне птицы крик невнятный,
Я не молюсь и не пою.
В другом саду, среди гряд помятых
Беспечно спящих узнаю.

Уж вопль буйного веселья
Умолк. Не слышно топора.
И кто-то бодрствует доселе,
Но и ему уснуть пора.

* * *

В огромной комнате не верится в любовь,
В огромной комнате морозно и привольно,
И запах дерева и вянущих грибов,
И сквознячок за шторами проворный,

И тяжело спокойствие впотьмах,
За окнами неразличима местность,
И у дверей похаживает страх,
И за дверьми безмолвна неизвестность. . .

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Как будто вовсе не ко времени,
Неясно, по чьему почину,
Но шло переселенье леммингов
Наверняка не без причины.
Они, короткие и рыжие,
Пускались вплавь по ледоходу,
Как будто грохота не слышали,
Как будто гибнуть им охота.
И льды, скользя с хрипящим рокотом,
Блестящими своими массами
Тела их — рыжие, короткие —
На известняк, как масло, мазали.
Сосредоточенно и собранно,
То чуть отстав, то нарастая,
За ними шли песцы и соболи,
Лисицы шли и горностаи.
Их били ястребы поджарые,
Им все что было — угрожало.
Они все шли, дорогу шарили,
Большие зубы обнажая.
Дремучим мхом, а где и тропами,
И напрямик, а не кругами,
Они все шли, по смерти топя
Своими слабыми ногами.
Наверно, звали их события,
И чувство долга, и победы.
А мне до смерти не забыть их
Звериное презренье к бедам.

* * *

Зима любви моей, печальная — но все же
Зима моей любви и доблести моей.
Как помогает жить неведомый прохожий,
Чернеющий вдаль, идущий среди полей.

Не то чтобы за ним, но как-то по привычке
Я направляю шаг туда, где черный мост,
Где нефть на колеях, где кто-то утром нынче
Зачем-то выбросил полпачки папирос.

Как помогает жить нелепость на дороге,
Бесстрастие моста, спокойствие полей.
Как внятно говорят — далекий склон отлогий,
Недвижный блеск реки и черный лес над ней.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТАТАРСКОМ ПРОЛИВЕ

Я носил шинель по-кавалерийски длинную,
Она задевала снег.
Я ходил, как стальной, по планете глиняной
И ничего не видел во сне.

Солнце вставало со дна пролива,
И под самым солнцем — вдали —
То исчезал, то всплывал торопливо
Остров Сахалин.

Он плыл неподвижно по небу бледному,
Как в памяти — мертвый флот,
Плывущий на якоре, а вослед ему
Вечное небо плывет.

* * *

Мое окно озарено
Мороза белыми крестами,
И все едино, все равно,
Любовь моя, что будет с нами.

Ни расставанье в два крыла,
Ни пляска птиц по зимней крыше
Мне не расскажут, что была
Надежда горестней и выше,

Чем этот месяц на краю
Холма, любви и отреченья.
И то, что я тебе пою,
Судьбою лишено значенья.

Любовь моя, что будет с нами?
Ты слышишь шорохи в углу?
И солнце красными клешнями
С утра скрежещет по стеклу.

* * *

Ненастье кончилось. На правом берегу
Затянут лес тяжелым желтым светом.
Тяжелый свет. Я больше не могу
Стоять и ждать, когда просохнет ветер.

Не расскажу. Весенняя печаль —
Как глубоко уходит голос прежний.
Любовь моя! Я долго не встречал
Мою весну в такой ночи безбрежной.

Как равнодушна северная ночь!
Как холодны на косах халцедоны,
Любой ручей пронзителен, как нож,
Внизу затоны черные бездонны.

Мне не уйти. Мне не раскинуть рук,
Не голос твой — меня безбрежность кличет,
Любовь моя, любовь моя, мой друг,
Мне не уйти, я это знаю нынче.

Я не могу. Я должен ждать — когда
В расхлебе волн, тягучих и неровных,
Густая шоколадная вода
Уйдет из глаз, оставив муть на ребрах.

АЭРОПОРТ

В ту ночь я спал в портовой зале.
О, ночь — в свистках, в скамьях, в толпе.
А рядом кто-то под часами
О чем-то очень грустном пел.

И этой песней все решилось.
Я встал и подошел к певцу —
Как по бульону капли жира,
Веснушки плыли по лицу.

И в ожидании перелета
Он пел на севере страны
О горькой участи пилотов,
Которым жены неверны.

И голос был шершав и низок,
Тянулся вверх и падал вниз,
И, как лунатик по карнизу,
Гулял по струнам гитарист.

И я разбужен был примером
Нелепых странностей любви...
И только пьяные шумели,
Слезу в углу не поделив.

Не знаю — ладно или грустно —
В моей судьбе слились в одно —
Ночное хриплое искусство
И гул моторов под окном.

И за горами, за долами
Ручьи багровые журчат,
И самолеты бьют крылами
И по-гусиному кричат.

* * *

Прийти, поесть грибного супа,
Погрызть белесых сухарей,
Поговорить легко и скупю
С душой бессмертною своей.

И до скончания обеда,
Не прерывая монолог,
Поведать тяготы и беды,
Которые припомнить смог.

Увидеть, как прощально гнутся
Головки плоские грибов,
Дай бог — с собой не разминуться
Над этой скатертью рябой.

СОВЫ

О, весна на пустынных болотах,
И ночная болот желтизна.
В мокрых впадинах дремлют, как в сотах,
Спят личинки пространства и сна.

Золотые останки покоя —
Прошлогодние стебли осок.
И над этой продрогшей тоскою
Реет воздуха серый кусок.

Эта плоть, облеченная тенью,
Так мучительно реет — и вдруг
К ней слетает второй, и в сплетенье
Темных взмахов — рождается звук.

Как пронзительны эти зигзаги,
Этот скрежет любовный и вой,
Этой страсти тоскливые знаки,
О любовь! это вымысел твой!

...Оседают на ветви нагие,
С сединой на сутулых плечах.
И безмолвствуют — те и другие —
С желтым светом в огромных очах.

НОЧНЫЕ УЧЕНЬЯ В ОКТЯБРЕ 1954 ГОДА

Когда голубые куранты
Безмолвно ударят в мозг,
Я вспомню себя курсантом
В отдельном стрелковом полку.

Дорога всходила в гору, как дым,
И таяла не спеша,
И если что-нибудь было живым,
То это был наш неровный шаг.

По дымной стремящейся в гору струе
Всходила колонна стрелков
Туда, где парили в кромешном стекле
Ракеты, мертвей светляков.

В разрывах взлетающих к небу огней,
Парящих над бездной снегов,
Как мертвые птицы, порхали над ней
Жестокие взблески штыков.

Белым мерцали ночные снега,
Сержанты кричали: «Вперед!»
Охотское море несло в берега
Черный гремучий лед.

И я, пулемет поправляя плечом,
Со всеми стремился туда,
Туда, где зеленым кошачьим огнем
Вдали полыхала звезда.

* * *

Поезда, как часы, неумолчны.
Разве можно на станции спать?
Днем и ночью, особенно ночью,
Нарастают, спадают, опять. . .

Все на север, на север, на север —
Словно рубящий, рубящий нож. . .
А пожнешь только то, что посеешь, —
Пожинаю бессонную ночь.

Поезда созревают под осень,
Ибо осенью чаще всего
Пожинаю колеса, колеса
В темноте из окна своего.

МАРКИЗОВА ЛУЖА

1

А волны исторгают серебро.
Старайся, незадачливый алхимик,
Тебе стократ воздастся за добро,
Старайся, бескорыстная стихия.

Я прохожу в страданиях песка,
Лежат меж сосен дачи неживые,
Их черепицы розовый оскал,
И лодки на цепи сторожевые.

Тебя, любовь, несложно обмануть,
И только здесь, в железном переплеске,
Ты все равно познаешь глубину
Волнения осенних перелесков.

А я служу, служу тебе как лот,
Скольжу свинцом по дна морского грунту.
И контуры Кронштадта словно флот,
Далекий, парусный, пришедший от Гангута.

2

Маркизова Лужа, Маркизова!
Округлыми жемами волн
Ты мне придвигаешь сызнава
Прибрежья неприбранный стол.

В наждачном безудержном трении,
В стремлении все растворить —
Утраченным, траченным временем
Наполнены мышцы твои.

По-старому, доброму, попросту,
О, ближнего моря приток,
Ты служишь печальным прообразом
Того, что приходит потом,

На плоский песок побережия
Последним дыханьем волны
Толкаешь бессильно и бережно
Чужие тебе валуны.

* * *

Н. РАХМАНОВОЙ

На Балтике песок,
На Балтике весна,
Как птичий крик высок,
Как горяча сосна,

Зачем, любовь моя,
Нам помнить не дано,
Как первая хвоя
Нам стукнула в окно.

Забудем, милый друг,
Как время протекло,
Запомним только стук
Рассвета о стекло

И отраженный свет
Зари на потолке.
Крупинки дней и лет,
Песок, песок в руке.

Когда деревьев пар белесый
Восходит к небу в декабре,
Куда как радостно и лестно
Казаться ближнего добрей

И веселей — душой и телом,
Но берегись — не поспеши
Однажды выйти за пределы
Своей небьющейся души.

Не то — в окне, под капюшоном
Стеклянной мглы —
Ты вдруг окажешься лишенным
Жестоких радостей зимы.

* * *

На смутном небе две звезды,
Как на погоне лейтенанта.
Так медлен ток сырой весны.
И обгонять его не надо.

В тревожном веянье ветвей,
В безлюдья горечи проезжей
Луна печальней и ясней
Мелькает на равнине снежной.

В сыром безлюдье этих мест —
В кювете черная машина
И, словно окрики, окрест
Изломы глоток петушиных.

И окрик фар на полверсты,
И окрик памяти пернатой.
На смутном небе две звезды,
Как на погоне лейтенанта.

* * *

В окне напротив свет и смех —
Наверно, там стихи читают.
А на деревьях гаснет снег,
Как будто на морозе — тает.

Как в глубину нырнувший нож,
Кой-где блестят сугробов гребни.
Меж ними — свет, над ними — ночь,
За ними — контуры деревни.

В окне напротив желтый свет,
Как сквозь подсолнечное масло.
А на дороге гаснет снег,
Как белый свет под вечер гаснет.

* * *

Какой простор на сердце у меня,
Какой простор для утренних прогулок,
И свежее приволье для коня,
Чей длинный шаг так сумасбродно гулок.

И я смотрю на темные поля,
На Млечный Путь, неверный и белесый,
И в чьих сердцах вон те снега пылят?
И в чьей душе тот дальний перелесок?

ПИСЬМО НА СЕВЕР

Ты там стоишь как будто в стороне,
Как будто обращен вовнутрь дважды,
Лишь ты один недвижим в сей стране,
Где все в движенье медленном и важном,

Где медленно слетает теплый снег
Из темного небесного закута,
Скажи душе — спасибо за ночлег
Под этой белой кровлею минутной,

Где тягостно струится свет дневной,
И птицы черные на запад улетели,
И медленно проходят пред тобой
Друзей холодных радостные тени.

* * *

Все проплывает в декабре,
Как чернота пустых деревьев,
На обнаженном корабле
К заречным проблескам деревни.

На ровной палубе холма,
На облетевших тонких ряях
Ежевечерняя зима
В ладонях белых сердце греет.

О капитан! мой капитан,
Мы не удержим равновесья,
Мы проплываем по пятам
Пустынных рек, дорог и весей.

И горько душу сторожить,
Теченья чувств не прерывая,
И если жить — а должно жить, —
То возвращайся, уплывая.

ВЕРХОЯНЬЕ. 1963 ГОД

(Отрывок)

Н. РАХМАНОВОЙ

Я проснулся. Я снова один.
В изголовье блестит карабин.
В ржавой банке белеет свеча.
Я проснулся. Какая печаль.
Темный иней на ржавой трубе.
«С добрым утром», — сказал я себе.
Одинокого голоса звук
Виновато разнесся вокруг.
Мало пользы себе говорить,
Надо встать, надо мясо варить.
Говори или не говори —
Ты один от зари до зари.
Я еще не поднялся. Рука
Существует отдельно пока.
Расстегнула палатку она —
Вот река ледяная видна.
А за ней сквозь густой снегопад
Равнодушные горы стоят.
И твердят очертанья вершин, —
Ты сегодня, как прежде, один.
В одиночестве горы видней,
И река, и буруны на ней,
И тайга у подножия гор,
И далекий безлесый бугор.
И любовь отстраняется вдруг —
Я один, мой единственный друг.
Я один — постарайся понять —

Я один и еще, и опять.
Мне уже не вернуться назад.
Застилает меня снегопад.
И вокруг, прерывая мой взгляд,
Безнадежные горы стоят.
В одиночестве сердце темно,
Все — недавно, и — страшно давно.
Надо думать о жизни начать —
Я один, я не смею скучать.
В одиночестве дальнем моем
Я сижу на снегу пред огнем.
Я читаю, и книги со мной
Разделяют печальный покой.



ЗАПИСИ НА ПОЛЯХ КНИГ

* * *

Холодной геометрией Спинозы
Рассечена летучая душа,
Как будто облак, перестроенный морозом,
На землю опускается, шурша.

Кристаллами, фигурами, звездами
Убитый пар столь украшает нас.
А тот мудрец, живущий в Амстердаме,
Следит за ним движеньем тихих глаз.

В его руках стеклянные алмазы
Выбрасывают радужный огонь.
Стеклянный голубь, странствующий разум,
Летит к нему на гладкую ладонь.

* * *

Обхватив квадратное колено,
Он смотрел недвижно и далеко,
Он сидел над неподвижной пеной,
Устремив единственное око.

Над волной — бессмысленной и вольной, —
Словно из зрачка вытягивая нити,
Он смотрел так пристально и больно,
Что и вовсе ничего не видел.

Будто над дикарством бороды,
Над огромным стиснутым коленом,
Где-то на границе слепоты
Ждало одинокое прозреньё.

Я не знаю — был ли прав Улисс,
Ослепив циклопа Полифема...
Вот они и дальше понеслись,
Веслами сбивая с гребней пену.

СМЕРТЬ ЯЗОНА

Он лежал уже почти убитый,
Камни перед грудью шевеля.
Нависал над ним седой и мхом покрытый
Исхудавший остов корабля.

Пригоршню нагретой горькой пыли
Выпустил на ветер из руки,
И белки серебряные плыли,
Не тревожа темные зрачки.

Жизнь была бесплодна и кровава,
Каждый подвиг был обрывком сна,
То, что поутру казалось правом,
К вечеру являлось как вина.

Но от первой битвы и доньше
Разницу меж правом и виной
Знала только грозная богиня,
Что вела героя за собой.

Может быть, он умирал невинный.
Но молчала в теплой полумгле
Голова огромная Афины,
Придавившая его к земле.

И предвидя наступленье ночи,
На разбитых ребрах шевелясь,
Он пытался заглянуть ей в очи
И не мог. И падала земля

Из его надтреснутых ладоней.

ЭЛИЗИУМ ПРЕДМЕТОВ

Эта пыль под ногами Сократа,
Этот мелко истертый песок,
Что ласкался и стлался, крылатый,
Чтобы не был мудрец одинок,

И корабль, уносящий Платона
Из объятых враждой Сиракуз
Под плесканье ладоней Тритона
И под нежное пение муз,

Этот сад, где гулял Аристотель,
Обсуждая чертеж бытия, —
Все они на высоком восходе
Пробуждаются от забвения.

Сбросив бремя великой задачи,
Те предметы ведут хоровод
В мире дружества, в мире удачи,
Где недвижимое время поет.

* * *

Арнольд из Брешии и фра Дольчино с ним,
Печальный Абельяр и Маймонид Испанский,
И с Цвингли под руку Марсилиий Падуанский, —
Никто из них теперь судьбою не гоним.

Воители, пророки, мудрецы,
В одеждах длинных и свободных,
За истину суровые борцы, —
Они теперь благой вкушают отдых.

Они, беседа, проходят предо мной,
Они идут морским широким пляжем,
Осенены скалистым желтым кряжем,
Поросшим между скал зеленою травой.

За ними вслед течет послушная вода,
Им леопард сухие руки лижет,
И если в тень дерев вступают иногда,
Тяжелая листва спускается пониже.

Движения их рук исполнены надежд,
И столько счастья в поступи скитальцев.
Я все хочу коснуться их одежд,
Но ткань суровая уходит из-под пальцев.

К ПОРТРЕТУ УЛЬРИХА ФОН ГУТТЕНА

О, Гуттен, бедный Гуттен, столько желчи,
И горькой злобы, и стихов,
Что, право же, гораздо легче
Пойти в ландскнехты — да и был таков!

Но этот меч. И острое перо.
Изгнание и смерть, мой бедный воин.
На ком лежит безумное тавро,
Тот только высшей жалости достоин.

Прости, поэт, не мне тебя жалеть.
Прости, солдат, не мне тебе перечить.
Прости, я не умею умереть,
Себя похоронив в безумной речи.

Пришли мне смерть — холодную латынь.
Пришли мне горе — тоже на латыни.
Передо мною горечь тех пустынь,
Где души реют, как песок в пустыне.

И этот скорбный вихрь донесет
Твое письмо, эпистола, прощенье.
И если что на свете нас спасет —
Полет песка и душ круговращенье,

БАЛЛАДА О ПРОТОПОПЕ АВВАКУМЕ

Мерцает окошко, блестит, как топор,
Хрустит на зубах тишина. . .

— А долго ли муки сия, протопоп?
— До самая смерти, жена.

Косматые очи — огрызки луны,
И ночи кусок — борода,
И лунные вдоль по стене галуны —
Холодная желчь пролита.

Морозная ночь, как единый кусок
Прозрачного черного льда.
И звезды — как будто стеклянный песок,
И снег — ледяная слюда.

В такую бы ночь на полатах дремать
Тебе, а в углу — посошку.
Но давеча — пытка, сегодня — тюрьма,
А завтра, гляди, и сожгут.

За веру! . . За веру? Мерцает окно,
В нем лунные ходят огни.
Ты выполнишь то, что тебе суждено,
Но прежде в тайгу взгляни.

Ты нынче грядущим костром озарен,
И цепи твои тяжелы.
Но видишь? — тайга полыхает зверьем,
В ней пыточный запах смолы.

Ты слышишь, как гложет вода берега?
Ты слышишь? Ты видишь? Ты рад?
Тебя после смерти не выдаст тайга —
Твой кум, и союзник, и брат.

Ты слышишь — тяжелая хвоя шипит
От пламени, скрытого в ней,
Ты видишь — как пучится мох и кипит
От лезущих снизу огней?

Ты знаешь — врагам твоим тоже гореть,
Их шкуре и потрохам.
Ты можешь спокойно теперь умереть.
Воздаст это пламя врагам.

* * *

Джон Лильберн и Уильям Блейк,
Один со шпагою, другой с пером гусиным,
Проходят старый парк, где в глубине аллея
Дымится дерн и пахнет псиной.

Кавалерийские беззвучны сапоги,
И башмаки листву не приминают.
И ворон медленный чертит свои круги,
Как будто лица их припоминает.

И Лильберн говорит, и вторит Блейк потом,
Но этих слов никто не различает,
И только эхо за большим холмом
Невнятные реченья повторяет.

Они минуют луг и редкие леса,
И вот уж позади обширная трясина.
Но стрелки черные на бронзовых часах
Недвижны, хоть сильна пружина.

И вдохновенна речь в звучании немом.
Идут, как посуху, волнами голубыми,
И ждут, уставя взгляд, — за следующим холмом
Пространство Истины откроется пред ними.

* * *

Читай Державина, приятель!
Издалека — не замусоль
Льдяную чистоту понятий,
Речений каменную соль.

Он притворялся хлебосолом,
Он притворялся дикарем,
Но из-под век его тяжелых
Седой выглядывал орел,

Потом опять глазницы меркли,
Колпак сердито повисал,
На рукавице дремлет беркут,
Пока не выпорхнет лиса, —

И снова фразы звон о фразу,
Свеченье каменных свечей.
Глядят четыре птичьих глаза
Из двух сощуренных очей.

К ПОРТРЕТУ РАДИЩЕВА

Высокобровый удлинённый лик
С таким далеким выраженьем. . .
Кто к времени прозрачному приник,
Тому дана любовь к изображеньям.

И мнится мне — я понял этот взгляд
С его доверчивым спокойным устремленьем —
Недаром предаются наугад
Душевному и пространственным волненьям.

Радищев — боже мой! — доверчивость какая,
Блаженная какая простота,
Ужели слово узы размыкает?
И силу обретает чистота?

Душа легка, уйдет — следа не сыщешь,
Ау! ау! — ни звука в высоте.
Доверюсь, Александр Радищев,
Доверюсь Вашей чистоте.

В бегучем мире возвращений
Обратный путь бессмыслен нам,
Доверчивый безумный гений,
Мы вас читаем по складам,

Затем что редкое уменье —
Свою доверчивость сберечь,
В громоздком мире повторений
Чужую разбирая речь.

НОЧЬ ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Рассадили их по темным кибиточкам,
Развозили-то их да по темным тюрьмам.

Народная песня о декабристах

Идут ледяные монахи,
На холоде свечи горят,
Полночные росомахи
Идут по четыре в ряд,

Стоят пьедесталы, как плахи,
Звучит металлический звук,
Идут ледяные монахи,
Молчит ледяной Петербург.

Спроси о них реку, столица,
Тебе не ответит река,
И под капюшонами лица
Неразличимы пока,

Идут ледяные монахи,
Ладонями свечи прикрыв,
И смерзшихся тел колобахи
Уносит Нева в залив,

И это ночное крещение,
Привявшее боль и беду —
Прозревшей души очищение, —
Во мраке, в граните, во льду.

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Капитан Чаадаев, мудрец, путешественник, фат,
Вы писали в письме генералу Орлову:
«Не склоним обнаженное наше чело» — и, как брат,
Как мятежник мятежнику, слали приветное слово.

Можно смерти бояться, но душу свою не сберечь,
Можно к богу и дьяволу равно идти за советом,
Капитан Чаадаев, и Ваша горчайшая речь
Утонула в сиянье чела, обожженного светом,

Мы увидели Вас с обнаженным блестящим челом,
И смотрели на Вас, и совета едва не спросили,
Но бесстрастного света холодный шелом
Покрывал Вас, как мартовский лед покрывает
Россию.

Видно, Вам уготована чудная в мире судьба,
Если время при жизни, как будто готовясь заране,
Как скребницею стерло с печального Вашего лба
Жалкий след суеты и оставило лед и сиянье.

СТИХИ С ТОЧНЫМИ ДАТАМИ

1

Гаснут трассы меж звездами чистыми
Над тропиками,
Во мгле.

Я родился парашютистом
Капитана Конг Ле.
И менять назначенье — поздно,
Передумать — значит солгать.
Мне писать запрещают прозу
Автоматы его солдат.

В комбинезоне пятнистом —
Пятна света в зеленой мгле —
Я останусь парашютистом
Капитана Конг Ле.

11.12.60

2

Капитан!
По улицам Вьентьяна,
Торопясь, проходят патрули.
Тягачи, надсаживаясь, тянут
Гаубицы
В солнечной пыли.

Капитан!
Мы все парашютисты
Нашей славы в памяти чужой.
И к воздушной скорости притиснут
Каждый год,
Как затяжной прыжок.
Лязгают прицепы транспортеров.
Мостовые грохот пропитал. . .

Чокнемся же
Касками потертыми.
Будем живы,
Капитан!

13.12.60

* * *

Героизм постоянных эпитетов,
Постоянство на вечные сроки,
Вас из фразы клещами не вытянуть,
О, грамматики мудрой уроки!

Говори про себя — и прислушайся,
Только в этом спасенье — в слухе,
Пусть эпитеты не нарушатся,
Их сердечная верность — не рухнет,

Пусть в тебе это знание скажется,
О, свеченье начального смысла!
Кто осмелится, кто отважится
Защитить его — кланяюсь низко.

* * *

Как мы на свет недавно родились.
И времени прозрачная дорога
С холодной высоты идет наклонно вниз
И под ноги спускается отлого.

И времени стеклянные следы
Блестят на меховой равнине снежной,
Как братья заблудившейся воды,
Морозом остановленные нежно.

Кристаллы воли, каменная соль
Души, которой вечное коснулось,
Как будто несдержавшаяся боль
На прошлое случайно оглянулась.

СОДЕРЖАНИЕ

Деревья и небо

В Михайловском	5
Прогулка верхом	7
На Сороти	8
«Я знаю — ждет меня хвоя...»	9
Раннее утро на Маленце	10
«И я поднялся на пригорок...»	11
Осенняя ночь в Тригорском	12
«Если усталую душу...»	14
Тригорский дом	15
«Какой-то сторож стережет...»	16
Разлив Сороти	17
«Бегут снеговые кораблики...»	18
Старый ганнибаловский пруд	19
Вечер на Маленце	20
«Оттолкнем этот день...»	21
«Застряло дерево в кости...»	22
Осень в Михайловском	23
Осиновая роща над Петровским озером	24
Петровский парк	25
За деревней Косохново	27
«От смуглой рощи на холмах...»	28
«Напротив — кладбище...»	29
Зимняя ночь у Святогорского монастыря	30
Последняя дорога	31

Не избегать воспоминаний...

«Не избегать воспоминаний...»	33
Поисковый отряд	35
«Отдачей относит назад плечо...»	37
Вечерняя свобода на реке	38
Памяти птицы	39
Холодная кровь	40
Деревня Усохи	42
В пути	43
«В огромной комнате...»	44
Великий поход	45
«Зима любви моей...»	46
Воспоминание о Татарском проливе	47
«Мое окно озарено...»	48
«Ненастье кончилось...»	49
Аэропорт	50
«Прийти, поесть грибного супа...»	52
Совы	53
Ночные учения в октябре 1954 года	54
«Поезда, как часы, неумолчны...»	55
Маркизова Лужа	56
«На Балтике песок...»	58
«Когда деревьев пар белесый...»	59
«На смутном небе две звезды...»	60
«В окне напротив свет и смех...»	61
«Какой простор на сердце у меня...»	62
Письмо на Север	63
«Все проплывает в декабре...»	64
Верхоьяне. 1963 год	65

Записи на полях книг

«Холодной геометрией Спинозы...»	67
«Обхватив квадратное колено...»	69
Смерть Язона	70
Элизиум предметов	71
«Арнольд из Брешии...»	72
К портрету Ульриха фон Гуттена	73
Баллада о протопопе Аввакуме	74
«Джон Лильберн...»	76
«Читай Державина, приятель...»	77
К портрету Радищева	78
Ночь после 14 декабря 1825 года	79
К портрету Чаадаева	80
Стихи с точными датами	81
«Героизм постоянных эпитетов...»	83
«Как мы на свет недавно родились...»	84

**Гордин
Яков Аркадьевич
ПРОСТРАНСТВО**

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972, 88 стр. План выпуска 1972 г. № 115. Редактор *Ф. Г. Кацас*. Художник *Р. Д. Вдовина*. Худож. редактор *М. Е. Новиков*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректоры *А. Г. Казакова* и *А. А. Шелаева*. Сдано в набор 13/III 1972 г. Подписано в печать 24/V 1972 г. М 16390. Бумага 70×108¹/₃₂. № 2. Печ. л. 2³/₄ (3,85). Уч.-изд. л. 2,08. Тираж 10 000 экз. Заказ № 487. Цена 21 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

Р 2
Г 68

7-4-2
115—72

21 коп.

